

Татьяна Логинова

(Красноярск)

— учитель русского языка и литературы, педагог дополнительного образования, руководитель клуба креативного чтения «Открой свою книгу», стаж работы 55 лет. Печатаюсь в сборниках методических материалов Красноярского краевого института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования.

«НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ, КАК НАШЕ СЛОВО ОТЗОВЕТСЯ...» (УРОКИ ЛЕРМОНТОВА В МОЕЙ СУДЬБЕ)

(В СОКРАЩЕНИИ)

Я, учительница русского и литературы, держу в руках первый том ветхого от времени и зачитанного до основания сборника избранных произведений М.Ю. Лермонтова, вышедшего в 1957 году в «Лениздате» города Ленинграда и ставшего моей

настойной книгой примерно с 15 лет. 15 лет для меня было временем ухода в себя, когда казалось, что тебя никто не понимает и (как писал Пушкин о Татьяне Лариной) «рассудок мой изнемогает». Я погружалась в мир поэта и находила в нем отклик своим душевным переживаниям: оказывается, Лермонтов писал обо мне:

И скучно и грустно, и некому
руку подать
В минуту душевной невзгоды...

Значит, у меня появился тот, кто меня понимает, мой тайный друг, мой спутник, который не предаст и не отвергнет меня. Я хранила эту тайну, я не осмелилась доверить ее никому и уходила в этот поэтический мир все глубже. Лирический герой поэта становился мне близким: о несчастном юноше, погибшем по прихоти бездушной красавицы, я не могла долго забыть («Незабудка»). Собранные на болоте незабудки, которые я очень любила, превратились в печальную повесть о любви безответной и обреченной на смерть. Они голубым облаком выделялись на белоснежной скатерти стола и возвращали меня в мир реальности — одного из первых уроков, полученных в мире поэта. Слова благородного рыцаря звучали и звучали рядом, не давая покоя: «Прости, не позабудь меня!» И я думала о том, как можно было рисковать пылким влюбленным, и примиряла на себя: «Нет, я бы так никогда не поступила!» И это стало еще одним уроком — уро-

ком коварства. Я всматривалась в портрет поэта 1837 года и видела совсем юного молодого человека, почти мальчика с глазами, наполненными неизбывной тоской и грустью. Так вот почему одиноки парус, утес, сосна, дубовый листок, пальма...

С тех пор поэт и его лирический герой воспринимались мною как единое целое, проявленное в многочисленных лирических зарисовках:

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же,

изгнанники

С милого севера в сторону южную.

Я читала, учила наизусть и понимала, что эти строки являются символом судьбы поэта, позже я узнала, что стихотворение «Тучи» было написано за несколько месяцев до гибели поэта. В нем каждая строчка — душевный надрыв, усталость, пессимизм и неожиданно страшное признание: «Нет у вас родины...» Откуда это разочарование в 26 лет? Столько написано, создано этим необыкновенно талантливым юношей! И откуда эта вселенская грусть и внутренний непокой?! Следовательно, талантливый не значит счастливый — урок, задающий массу вопросов, урок, ведущий к тайнам человеческой души, что находится в поисках гармонии с миром.

Поэма «Демон» потрясла меня и заморозила своей торжественной мелодией, я готова была без конца читать:

Печальный Демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой...

Особенно отрадными были строки:

Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья,
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...

М. Врубель
Демон сидящий

Они радовали меня, и печаль Демона я воспринимала близко к сердцу, с болью и желанием разделить ее. Но дальше я встретила с катастрофой: изгнанник рая не способен любить и щадить, он может искушать и вести к гибели. Но как завораживающе звучали его клятвы в любви, как неподражаемо высоки и подкупающе благородны были его речи! Прекрасная Тамара сдалась и погибла, отравленная ядовитым поцелуем. Урок Демона

на — один из самых жестоких, после него возник вопрос: «Что привлекло поэта в этом образе? Ведь авторскую симпатию к герою невозможно было не увидеть в этой поэме». Позже я нашла ответ на свой вопрос. Привожу маленькое свидетельство из Википедии: *«Так, однажды писатель Владимир Одоевский поинтересовался у автора произведения, с кого был списан главный герой; Лермонтов в ответ иронично заметил: “С самого себя,*

князь, неужели вы не узнали?» Есть сведения, что после знакомства с поэмой великий князь Михаил Павлович задал риторический вопрос: «Я только никак не пойму, кто кого создал: Лермонтов ли — духа зла или же дух зла — Лермонтова?» Свидетельством того, что поэт ощущал внутреннюю близость к своему герою, являются строки из стихотворения Михаила Юрьевича «Я не для ангелов и рай...» (1831), которое исследователи воспринимают как некий эскиз к эпилогу «Демона»:

Как демон мой, я зла избранник,
Как демон, с гордою душой,
Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чужой».

М.Врубель. Демон летящий.
Иллюстрация
к поэме Лермонтова

А пока, в пору ранней юности, предполагая некоторый «демонизм» Лермонтова, я извлекла урок о двойственности человека: «Как и почему в талантливом человеке живет еще другой, допускающий в себя духа зла?» Лермонтов слишком рано покинул эту землю, в нем, молодом и порой дерзком, жил дух протеста, он бунтовал против условностей мира. Против толпы, где «мелькают образы бездушных людей, приличьем стянутые маски». Против толпы, веселость которой он желает смутить «и дерзко бросить» ей «в глаза железный стих, облитый горечью и злостью».

Можно лишь предполагать, как изменилась бы судьба и поэзия Лермонтова, если бы он прожил дольше. Вся недолгая жизнь поэта была отмечена тяжелой внутренней борьбой и противоречивостью. Но прежде чем я в этом разберусь, я буду скорбеть о его конце и растворять свою скорбь в рифмованных строчках, а мой ученик положит эти строки на музыку:

Поэт, поручик Лермонтов, убит,
Убит волшебник и чудесник слова,
Печалью тихой во мне звучит
Его судьба трагическая снова.

Поэт, поручик Лермонтов, убит,
А я не в силах в смерть его поверить.
Звучит его печаль во мне, звучит,
И бесконечность грусти не измерить.

Пройдет время, и придет более осознанное понимание личности поэта. И я буду постепенно получать ответ на вопрос о том (повторюсь), как изменилась бы судьба и поэзия Лермонтова, если бы он прожил дольше.

И однажды я прочитаю у М.М. Дунаева, профессора Московской духовной академии, ныне покойного, в его многотомном труде «Православие и русская литература»: *«Вероятнее всего, душа Лермонтова пребывала накануне духовного перерождения. А мы знаем (снова вспомним святых отцов), как опасно такое состояние: бесовские силы тогда становятся особенно активны».*

Таким образом, я извлекла, пожалуй, самый важный урок, урок духовного поражения, но не только поражения Лермонтова, но, возможно, и своего, если я как учитель литературы не смогу объяснить, как облегчить тяжкое бремя, лежащее на поэте. Я обязана помочь ученикам, например, понять: *«Обличая ложь воспетого им демонизма, только останавливающего людей на пути к их истинной сверхчеловеческой цели, мы во всяком случае подрываем эту ложь и уменьшаем хоть сколько-нибудь тяжесть, лежащую на этой великой душе»* (Вл. Соловьев).

На днях мой ученик 9 класса, который находится на домашнем обучении, прослушав, а затем прочитав стихи поэта, сказал: «А знаете,

это обо мне он писал, это я не могу найти покоя и не знаю, куда иду...» А мой внук, тоже ученик 9 класса, готовясь к экзамену по литературе, заметил, что поэзия Лермонтова рождает безысходность. И я понимаю и того, и другого: ведь это восприятие творчества поэта я пережила в далекой юности.

Пишу и опять задаюсь вопросом, как у столь юного поэта рождалась «благоуханная» проза — так поэтически определил ее Гоголь? Уникальный язык, мастерство построения фразы, ритмическая организация прозы — все это нужно увидеть, услышать, почувствовать и донести до школьников. Еще один урок — урок тонкой стилистики как напоминание о трогательном отношении к слову. Лермонтов, получивший дар от Бога, напоминает нам, что искусство писать так же, как и прекрасное (вспомним Пушкина), *«должно быть величаво».* Урок тонкой стилистики Лермонтова-прозаика я открыла, будучи зрелой учительницей, а в ранней юности я упивалась его поэтической мелодией.

Упивалась и укреплялась в мысли, что поэзия Лермонтова — это музыка, музыка души и сердца, потому, очарованная этой музыкой, я, юная учительница, непременно должна была поделиться этим открытием с моими учениками.

21 февраля 1992 года моему старшему сыну исполнилось 23 года, и он посвятил Лермонтову стихи: